

О некоторых особенностях относительной конструкции в дагестанских языках¹

М.А. Даниэль (МГУ)

Ю.А. Ландер (Институт востоковедения РАН)

Доминирующий в современной типологии подход к структуре относительного предложения опирается на представление о релятивизации определенных *синтаксических* ролей внутри зависимой предикации. Именно в рамках такой концепции Э. Кинэн и Б. Комри (Keenan, Comrie 1977) открыли, что именные группы неравноправны в том, что касается их релятивизуемости: более релятивизуема синтаксическая позиция, располагаемая выше на так называемой «иерархии доступности именных групп» Подлежащее > Прямое дополнение > Непрямое дополнение > Косвенное дополнение > Посессор > Объект сравнения. Анализ Э. Кинэна и Б. Комри обладает предсказательной силой и позволяет моделировать межъязыковую типологическую вариативность относительных предложений. Выдвинутая ими иерархия – хотя и в модифицированном виде – используется как в типологических исследованиях относительных конструкций (см., например, Lehmann 1984), так и в типологически ориентированных работах по некоторым языкам Дагестана (ср. Лютикова 1999; 2001; Sumbatova, Mutalov 2003 и др.).

Тем не менее, в последнюю декаду появилось несколько публикаций – в том числе и самого Б. Комри (ср., например, Comrie 1998) – ставящих под сомнение универсальность релевантности конкретных синтаксических ролей в относительном предложении. Основным контраргументом является то, что в ряде языков вершиной релятивизации могут становиться такие именные группы, которым не соответствуют никакие синтаксические роли внутри относительного предложения. Примеры таких конструкций встречаются в текстах на некоторых дагестанских языках², например, удинском и арчинском:

(1) удинский

Метаърки баван укIала хуьйьарал гьакьетIун.

metär = ki [bava-n uk:-ala хуьjär = al] haq:-e = t:un

так=COMP отец-ERG говорить-PART девушка=ADD брать-PERF=3PL

Так что брали девушку, которую скажет отец.

¹ Исследование проводилось при частичной финансовой поддержке NSF (грант # 0553546 “Five languages of Eurasia”), РГНФ (проект № 07-04-00266а «Грамматика близкородственных языков с типологической точки зрения (на материале даргинских языков)») и программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проект «Социолингвистическое и этнографическое исследование удин и удинского языка в России и Азербайджане»). Часть исследования была проведена в Max Planck Institute for evolutionary Anthropology (г. Лейпциг) весной 2007 г..

² Под дагестанскими языками мы подразумеваем все нахско-дагестанские языки, не относящиеся к нахской группе, независимо от их географической принадлежности. Весьма вероятно, что ситуация в нахских языках аналогична описываемой здесь, но этот вопрос требует дополнительного изучения.

(2) арчинский

ХIаван букьутгут акь лIотIу.
[ħawan bu-l'u-tu-t al'] lo-t'u
баран(NOM) 3-зarezать.PFV-ATR-4 мясо(NOM) 4.дать.PFV-NEG
He дали мяco зарезанного барана.

(3) арчинский

Вас хир йаб базартгуб бис
wa-s χir ja-b bazar-tu-b b-is
ты.OBL-DAT(2) за этот-3 быть.скупающим-ATR-3 3-я.GEN(1)

гIуммар килав гIуммар увхутта
summar kilaw summar u-w>χ-u-ta
жизнь(NOM,3) чем жизнь(NOM,3) <1>лечь-PFV-CVB

аккоммин набкIийтIу хали.
a-kom-mi-n nabk'-ijt'u χali
свет-OBL-GEN(4) сон(NOM,4)-4.EMPH 4.быть.лучше
Чем моя жизнь, на протяжении которой я буду скучать по тебе, лучше поспать с утра.

Своеобразность такой относительной конструкции особенно отчетливо видна в последнем примере, для которого трудно подобрать адекватный и одновременно синтаксически близкий русский перевод (букв. *по тебе эта скучающая моя жизнь*). Впрочем, и более простые на первый взгляд примеры (1) и (2) представляют трудности для синтаксической трактовки релятивизации.

С таким отсутствием ограничений на релятивизацию коррелирует то, что дагестанские языки, как правило, допускают релятивизацию практически из любой позиции в иерархии Кинэна и Комри (по-видимому, всегда – от центральных аргументов до посессора). Более скрупулезный анализ, однако, показывает, что релятивизация из разных структурных позиций, хотя и равно грамматична, далеко не одинаково распространена в текстах. По наблюдениям одного из авторов, даже если взять самый простой пример – дитранзитивную конструкцию, – можно обнаружить, что релятивизация Темы (передаваемого объекта) преобладает, за ней с некоторым отставанием следует релятивизация Агенса, а вот релятивизация Реципиента встречается исключительно редко. Это вполне соответствует предсказаниям упомянутой иерархии с поправкой на эргативность дагестанских языков и лишней раз подтверждает тезис, согласно которому иерархии, которые в одних языках реализуются в качестве структурных запретов, нарушение которых приводит к неграмматичности конструкции, в других языках отражается в сравнительной частотности тех или иных релятивных конструкций.

Впрочем, примеры вроде (1)–(3) не укладываются и в эту схему. Ведь вершинам релятивных оборотов в этих конструкциях невозможно приписать никакой роли в гипотетическом простом предложении, следовательно, они вообще не могут становиться мишенью синтаксических запретов. Тем не менее они

возможны в одних языках и совершенно неграмматичны в других. Как можно это объяснить?

Очевидно, необходимо отойти от чисто синтаксических толкований типологии релятивных предложений. В этом мы следуем работам Б. Комри и М. Полинской для цезского (Comrie, Polinsky 1999) и еще более раннему заявлению А.Е. Кибрика (1992: 214), сделанному им для дагестанских языков: «в синтаксическом преобразовании выражений, связанном с релятивизацией, какие-либо [синтаксические – МД и ЮЛ] характеристики актантов оказываются нерелевантными...».

Если попытаться свести воедино как данные по относительной частотности тех или иных ролей, так и данные о «внесинтаксических» релятивах, обсуждаемых выше, мы естественно приходим к выводу, что главным фактором, контролирующим образование относительной конструкции, является сложность ее интерпретации. Сталкиваясь с относительным оборотом, адресат вынужден осмыслить семантическое отношение вершины конструкции к описываемой релятивной ситуации, и чем легче его вычислить, тем грамматичнее, естественнее конструкция. (В этой связи отметим, что не все носители арчинского языка сразу и вне контекста подтверждают грамматичность приведенных примеров.) Чем больше факторов поддерживают осмысление «релятивного» отношения, тем выше вероятность встретить ту или иную относительную конструкцию в живой речи. В принципе, результаты действия таких факторов могут быть грамматикализованы (приводя к определенному рода ограничениям), но как показывают, в частности, многие дагестанские языки, такая грамматикализация не универсальна.

Механизмы языковой поддержки осмысления релятивного отношения принимают самую разную форму. Во многих языках (но не в дагестанских) используются относительные слова или особые морфемы, однозначно идентифицирующие роль вершины в предикации (русское *который*). В некоторых языках, в том числе во многих дагестанских языках, используются функционально близкие относительным словам европейских языков, но структурно иные средства межклаузного поддержания референции, такие как резюмтивы – неотносительные местоимения, выступающие в позиции релятивизованного аргумента. Примечательно, впрочем, что дагестанские языки с резюмтивами обнаруживают очевидные отличия от других аналогичных языков. Во-первых, в качестве резюмтивов здесь обычно выступают возвратные местоимения, что типологически необычно (в других языках типичными резюмтивами являются нерелексивные прономиналы). Во-вторых, в отличие от большинства (хотя и не всех) языков с резюмтивами, в дагестанских языках эти элементы порою появляются и в самых верхних позициях иерархии Кинэна – Комри (в выделительном значении). Ср. следующий пример из тантинского даргинского, где резюмтив находится в позиции непереходного подлежащего относительной предикации³:

³ Заметим, впрочем, что тантинский даргинский противопоставлен по этому признаку некоторым другим идиомам, например, ицаринскому даргинскому, в котором резюмтивы могут появляться во всех позициях, кроме позиции непереходного подлежащего (Sumbatova, Mutalov 2003).

(4) тантинский даргинский

сари	дамшшу	рачиб	рурсси
sa·r·i	dam-ṣ̌:u	r-ač̣'-ib	r-urṣ:i
⟨F⟩RFL(NOM)	я-APUD	F-приходить-PRET	F-девочка

та самая девочка, которая ко мне пришла
(букв.: девочка такая, что та самая ко мне пришла)

Все это показывает, что в отличие от «канонических резумптивов», дагестанские возвратные местоимения, очевидно, выполняют не столько *формальную* роль (свойственное нерелексивным резумптивам указание на наличие соответствующего участника, необходимое для его релятивизации), сколько *семантическую* функцию подчеркивания кореферентности обозначаемого ими актанта актанту матричной предикации (отметим, что рефлективы в дагестанских языках имеют гораздо большую сферу употребления, нежели в русском или английском; см. Тестелец, Голдова 1998). Другими словами, и здесь то, что релятивизуется какая-то синтаксическая позиция, не является для конструкции принципиальным.

Важную роль в интерпретации относительной конструкции играет принцип семантической селективности аргументов (роль вершины при переходном глаголе может определяться его семантическим классом – например, локативные имена и названия времени тяготеют к обстоятельственным ролям). Отметим, что, хотя личное имя во многих дагестанских языках может принимать локативные формы, (например, в значении «дома у X-а»), с одной стороны, и, с другой, релятивизация сирконстанта места более чем допустима, при интерпретации относительного оборота с именем лица в вершине адресат припишет этому имени одну из центральных ролей (Агенс, Пациенс, Реципиент), а если эти роли уже заняты другими именными группами, вероятнее всего признает предложение неграмматичным. Таким образом, иерархия доступности в чистом виде и здесь оказывается явно недостаточным объяснительным подходом.

Как кажется, иерархию Кинэна – Комри необходимо интерпретировать именно в свете простоты идентификации связи между референтом вершины относительного оборота и ситуацией. Чем более центральный аргумент ситуации релятивизуется, тем легче установить его отношение к ситуации – без Агенса или Пациенса ситуация более когнитивно «ущербна», чем без аргументного Посессора или обстоятельства времени и места. Именно поэтому такие относительные обороты в языках мира существенно более часты, а в некоторых языках единственно грамматичны. С этой точки зрения важным аргументом являются приведенные выше в примерах конструкции, засвидетельствованные, пусть периферийно, в языках Дагестана.

Использованные сокращения

ADD – аддитивная частица; APUD – локализация Apud ('около'); ATR – атрибутивизатор; COMP – подчинительная частица; CVB – конверб; DAT – датив; EMPH – выделительная частица; ERG – эргатив; F – показатель женского класса; GEN – генитив; NOM – номинатив; OBL – косвенная основа; PART – показатель причастия;

PERF – перфект; PFV – перфективная основа; PL – множественное число; PRET – претерит; RFL – рефлексив.

Литература

Кибрик А.Е. 1992. *Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания*. М.: Изд. МГУ.

Лютикова Е.А. 1999. Относительное предложение // *Элементы цахурского языка в типологическом освещении* / Ред. А.Е. Кибрик, Я.Г. Тестелец. М.: Наследие. С. 461-481.

Лютикова Е.А. 2001. Относительное предложение // *Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари* / Ред. А.Е. Кибрик и др. 491-511.

Тестелец Я.Г., Толдова С.Ю. 1998. Рефлексивные местоимения в дагестанских языках и типология рефлексива // *Вопросы языкознания*. 1998. № 4. С. 35-57.

Comrie B. 1998. Rethinking the typology of relative clauses // *Language Design* 1: 59–86.

Comrie B., Polinsky M. 1999. Form and function in syntax: relative clauses in Tsez // *Functionalism and Formalism in Linguistics*. Vol. II: *Case Studies* / Ed. by M. Darnell et al. Amsterdam: John Benjamins. P. 77–92.

Keenan E. L., Comrie B. 1977. Noun phrase accessibility and Universal Grammar // *Linguistic Inquiry* 8: 63-99. [Русск. пер.: Кинэн Э.Л., Комри Б. Иерархия доступности именных групп и универсальная грамматика // *Новое в лингвистике*. Вып. XI. М., 1982. С. 111-165.]

Lehmann C. 1984. *Der Relativsatz*. Tübingen: Gunter Narr.

Sumbatova N., Mutalov R. 2003. *A Grammar of Itsari Dargwa*. München/Newcastle: Lincom Europa.